

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11

COVID-19 в Юго-Восточной Азии: проблемы и решения

Александр Александрович РОГОЖИН

кандидат экономических наук, руководитель группы, ведущий научный сотрудник

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: rogojine@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0736-3184

Наталья Григорьевна РОГОЖИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. (2020) COVID-19 в Юго-Восточной Азии: проблемы и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 181–203. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11

Статья поступила в редакцию 20.09.2020.

АННОТАЦИЯ. Страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), как и весь мир, понесли существенные потери от распространения эпидемии COVID-19, исчисляемые как человеческими жертвами, так и немалыми экономическими и политическими затратами. Их оценка является предметом статьи, в которой авторы анализируют процесс реагирования стран ЮВА на возникшую эпидемиологическую угрозу, выделяя как общее, так и специфическое в их подходах к осуществлению противоэпидемиологических и адаптационных мер. Составить единую картину с COVID-19 в регионе не представляется возможным, поскольку страны ЮВА различаются между собой как по числу подтвержденных случаев заболевших и умерших, так

и по подходу к борьбе с пандемией. Принятие страной того или иного набора ограничительных санитарных мер диктовалось остротой эпидемиологической ситуации, экономическими и политическими интересами. Оценка эффективности предпринимаемых действий по борьбе с пандемией и ее последствиями свидетельствует, по мнению авторов, о том, что наилучшие результаты показали страны, которые, во-первых, предприняли упреждающие меры, во-вторых, продемонстрировали слаженность работы всех звеньев управления и открытость в подаче информации, в-третьих, смогли завоевать доверие населения в борьбе с пандемией, которая обернулась немалыми человеческими жертвами и внесла коррективы

в политическое управление страны и ее экономическое развитие.

Политическим последствием COVID-19 стало укрепление авторитарных тенденций в управлении в ряде стран ЮВА, что сказалось на ослаблении оппозиции и ущемлении гражданских свобод. Авторы приходят к мнению, что пандемия обнажила слабость системы государственного управления в кризисной ситуации, что подтверждает анализ предпринятых мер по минимизации экономических последствий пандемии. В статье оценивается воздействие кризиса COVID-19 на экономику стран ЮВА и обобщаются меры, проводимые согласно политике правительств, по поддержке наиболее пострадавших секторов и групп населения. Авторы приходят к мнению, что сегодня оценить весь масштаб понесен-

ных потерь, как и предпринятых мер по их минимизации, не представляется возможным. Но очевидно, что пандемия стала вызовом для правительств и проверкой их способности управлять страной в кризисной ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юго-Восточная Азия, COVID-19, противоэпидемиологические меры, политическое управление, авторитаризм, экономические меры поддержки, экономический кризис

Мир оказался неспособным сдержать распространение пандемии COVID-19, и регион Юго-Восточной Азии не стал исключением. Учитывая численность его населения, сохраняющуюся проблему бедности, территориальную близость к Китаю и неразвитую систему здравоохранения в боль-

Таблица 1. Число инфицированных COVID-19 в Юго-Восточной Азии (по состоянию на 1 сентября 2020 г.)

Table 1. The number of COVID-19 infected in Southeast Asia (as of September 1, 2020)

	Общее число инфицированных (тыс. чел.)	Общее число смертельных исходов (тыс. чел.)	Число инфицированных на 1 млн чел.
Всего по региону	267 874	7 374	
<i>в том числе</i>			
Индонезия	108 736	5 131	411
Филиппины	93 354	2 023	800
Сингапур	52 205	27	9 302
Малайзия	8 976	125	288
Таиланд	3 310	58	46
Вьетнам	545	1	6
Мьянма	353	6	7
Камбоджа	234	0	15
Бруней	141	3	329
Лаос	20	0	3

Источник: Southeast Asia COVID-19 Tracker // Center for Strategic and International Studies (CSIS) // <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/southeast-asia-covid-19-tracker-0>, дата обращения 15.10.2020.

шинстве стран, можно было предвидеть резкое обострение эпидемиологической ситуации. И тем не менее статистика на первом этапе развития пандемии свидетельствовала об обратном – на 670 млн человек, проживающих в регионе, общее количество инфицированных коронавирусом на 1 июля 2020 г. составило 138,3 тыс. человек, зафиксировано 4,5 тыс. случаев летальных исходов.

Однако тенденция к росту числа заболевших становится все более явной. И к 1 сентября этот показатель удвоился и составил более 267,9 тыс. человек, летальных исходов – 7,4 тыс. со значительным разбросом этих цифр по странам.

Борьба с пандемией коронавируса

Сегодня еще преждевременно делать прогнозы относительно развития эпидемиологической ситуации в регионе: пандемия COVID-19 еще не закончилась, о чем свидетельствуют новые вспышки и рост числа инфицированных. Но очевидно, что она не вызвала такого масштабного кризиса системы здравоохранения, как в передовых странах Европы и США. В то же время в Индонезии и на Филиппинах по мере роста числа заболевших возникают опасения по поводу ее перегруженности.

И тем не менее накопленный опыт борьбы с пандемией в странах ЮВА позволяет прийти к некоторым заключениям и попытаться ответить на возникшие вопросы. Чем вызван относительно низкий показатель заболеваемости коронавирусом в регионе на первом этапе пандемии? Первоначальное предположение, что этому благопри-

ятствовали климатические условия, не подтвердилось.

Возможно, сдержать нарастание эпидемии помогло проведение упреждающих действий, обеспечение эффективного контроля за распространением эпидемии и соблюдение медицинских предписаний? Или же причину следует искать в погрешностях статистики, недостоверной или неполной информации о числе инфицированных в отсутствие развитой системы тестирования в ряде стран региона, прежде всего в наименее развитых (Лаосе, Камбодже, Мьянме)? Может быть, в этом и кроется ответ на вопрос, почему они, имея слаборазвитую систему здравоохранения, смогли избежать роста числа инфицированных в отличие от более богатых стран – Сингапура и Индонезии. Или же их успехи можно объяснить авторитарной моделью управления, оказавшейся более адаптированной к кризисной ситуации в отличие от демократической? Косвенно подтверждает эту гипотезу пример Вьетнама, которому удалось избежать обострения эпидемиологической ситуации. Достоверность приводимых этой страной официальных данных ни у кого в мире не вызывает сомнения.

Составить единую картину эпидемиологической ситуации в регионе не представляется возможным, поскольку страны ЮВА различаются между собой как по числу подтвержденных случаев заболевших и умерших, так и по подходу к борьбе с пандемией, имея разную степень готовности системы здравоохранения к преодолению эпидемиологического кризиса. В Сингапуре на 1 тыс. человек приходится 2,41 врача, в Брунее – 1,77, в Малайзии – 1,51, а в Индонезии – только 0,38¹. Наличие в Таиланде раз-

1 Abuza Z. (2020) Explaining Successful (and Unsuccessful) COVID-19 Responses in Southeast Asia // The Diplomat, April 21, 2020 // <https://thediplomat.com/2020/04/explaining-successful-and-unsuccessful-covid-19-responses-in-southeast-asia/>, дата обращения 15.10.2020.

витой системы общественного здравоохранения, квалифицированного медицинского персонала и помощь со стороны 1 млн волонтеров, бесспорно, сыграли важную роль в сдерживании эпидемии [Termsak Chalermphanurap 2020], чего нельзя сказать о Мьянме, где на момент ее начала имелось всего 600 коек экстренной помощи и 330 коек с ИВЛ. Ситуация в здравоохранении усугублялась высокой стоимостью медицинских услуг для населения². И тем не менее количество инфицированных на 1 августа составило всего 353 человека.

Есть основания предполагать, что этот показатель был занижен и не отражал реальную эпидемиологическую ситуацию в отсутствие развитой системы тестирования, прежде всего в отдаленных районах, населенных национальными меньшинствами, ведущими продолжительную борьбу с центральным правительством. Однако уже к 1 сентября число инфицированных возросло до 749 человек, очагом заражения была столица – город Янгон.

Первые случаи заражения COVID-19 были зафиксированы в регионе еще в январе 2020 г. И то, как страны среагировали на первые признаки эпидемии, предопределило их дальнейшие действия в борьбе с ней. В отличие от Сингапура и Вьетнама, которые сразу включились в работу по сдерживанию пандемии, наладив систему тестирования и санитарного мониторинга, другие страны недооценили возникшую угрозу и запоздали с принятием ответных мер. Даже граница с Китаем долгое время не была закрыта.

Например, в Индонезии правительство первоначально намеренно скрывало информацию о росте инфицированных коронавирусом, чтобы избежать паники в обществе³. В течение почти двух месяцев министр здравоохранения Тераван Агус Путранто убеждал граждан в том, что в стране нет заболевших, а в качестве меры защиты от COVID-19 предлагал им молиться⁴. То, что правительство придерживало информацию о распространении COVID-19, объяснялось его политическими интересами – создать у населения видимость того, что эпидемиологическая ситуация находится под его полным контролем, хотя статистика заболеваемости свидетельствовала об обратном. Лидер Мьянмы Аун Сан Су Чжи даже в середине марта отрицала наличие угрозы, от которой мьянмарцев, по мнению пресс-секретаря правительства, защитит их образ жизни и диета [Kurlantzick (1) 2020]. Аналогичной позиции придерживались и другие главы государств.

И если во Вьетнаме еще в конце января сразу после регистрации первого случая заражения COVID-19 были осуществлены жесткие меры карантина, призванные остановить распространение эпидемии в ее зародыше, не дожидаясь рекомендаций ВОЗ и за месяц до объявления пандемии, то в других странах решение о введении ограничительных противоэпидемиологических мер было принято уже на этапе роста числа заболевших – в конце марта – середине апреля.

Тактика борьбы с COVID-19 наряду с проведением тестирования населе-

2 Brennan E. (2020) A Decisive Month for Covid-19 in Myanmar – and Region Beyond // The Interpreter, April 16, 2020 // <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/decisive-month-covid-19-myanmar-and-region-beyond>, дата обращения 15.10.2020.

3 Bland B. (2020) Indonesia: Covid-19 Crisis Reveals Cracks in Jokowi's Ad Hoc Politics // The Interpreter, March 17, 2020 // <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/indonesia-covid-19-crisis-reveals-cracks-jokowi-s-ad-hoc-politics>, дата обращения 15.10.2020.

4 Indonesian Capital Jakarta to Close Schools, Workplaces to Curb Coronavirus Outbreak (2020) // CNA, April 8, 2020 // <https://www.channelnewsasia.com/news/asia/indonesia-jakarta-close-schools-workplaces-coronavirus-covid-19-126192647>, дата обращения 15.10.2020.

ния сводилась в основном к установлению режима социального ограничения, предполагавшего запрет массовых мероприятий и на скопление людей, временную приостановку деятельности предприятий за исключением жизненно важных, закрытие границ и отмену международных авиарейсов, ограничение перемещения людей.

В Таиланде в дополнение к режиму социальной изоляции был введен комендантский час и запрет на алкоголь. В ряде провинций было ограничено передвижение внутри территории и за ее пределами. В Малайзии принят Закон о контроле за передвижением людей и транспорта. Несоблюдение предписаний каралось штрафами – до 229 долл. США и тюремным заключением сроком до шести месяцев. В Лаосе и Мьянме был введен режим карантина. Аналогичное решение было принято на Филиппинах в отношении всего острова Лусон, включая столичный мегаполис Метро Манилу, и установлен комендантский час.

В Индонезии с отставанием почти на полтора месяца после регистрации первых случаев заражения коронавирусом центральное правительство наконец ввело частичный карантин в Джакарте. В то же время, несмотря на призывы политиков и экспертов, обеспокоенных возможностью обострения эпидемиологической ситуации в связи с массовым возвращением людей («исход», *араб.* – мудик) в апреле-мае из столицы и других городов в деревни для празднования с семьей и друзьями Идуль Фитри

в конце мая, окончания месяца поста Рамадан, президент страны Джоко Видодо долгое время сомневался в целесообразности введения ограничений на передвижение людей по стране. И к тому времени, когда наконец был принят соответствующий указ, столицу покинуло уже более 1 млн человек. По мнению медицинских экспертов, правительство запоздало с введением карантинных мер в столице. Они предсказывали рост числа заболевших, поскольку эпидемия уже распространилась на 34 провинции Индонезии.

Однако президент страны Джоко Видодо придерживался другого мнения. В своем обращении к нации 7 мая он заявил о том, что населению Индонезии посчастливилось, поскольку правительство в целях сдерживания распространения коронавируса предпочло ввести масштабные меры социального ограничения вместо карантинных. А это позволило людям продолжать вести обычный образ жизни, правда, с определенными ограничениями⁵.

Складывалось впечатление, что правительство действовало в отсутствии разработанного плана борьбы с эпидемией COVID-19, чем и можно объяснить ее быстрое распространение по стране, которая по числу заболевших и умерших занимала на 1 сентября второе место в ЮВА (долгое время сохраняла первенство). В то же время нельзя игнорировать и другие факторы, повлиявшие на рост заболеваемости коронавирусом в стране: слабое развитие системы здравоохранения⁶, непод-

5 Dyaning Pangestika (2020) COVID-19: Jokowi Urges Public to Follow Health Protocols // The Jakarta Post, May 7, 2020 // <https://www.thejakartapost.com/news/2020/05/07/covid-19-jokowi-urges-public-to-follow-health-protocols.html>, дата обращения 15.10.2020.

6 В Индонезии на 10 тыс. человек приходится всего 4 врача (в Италии – 40, в Южной Корее – 24), 12 госпитальных и 3 реанимационных койки, что намного ниже установленных ВОЗ для АТР стандартов. Индонезия значительно уступает другим странам региона и по показателю расходов на здравоохранение в расчете на человека. Ситуация в сфере здравоохранения усугубляется общим плохим состоянием здоровья населения, что усиливает риск тяжелых последствий при заболевании коронавирусом. По данным ВОЗ, Индонезия имеет один из самых высоких в мире показателей распространения туберкулеза – ежегодно число заболевших им составляет порядка 500 тыс. человек со 175 тыс. смертельных исходов.

готовленной к сложившейся эпидемиологической ситуации⁷, неравномерный охват населения ее услугами, проблема бедности, географическое расположение страны на почти 18 тыс. островов, религиозные традиции⁸, противоречия внутри правящей власти относительно характера предпринимаемых противоэпидемиологических мер, что снижает эффективность их реализации.

Принятие страной того или иного набора ограничительных санитарных мер диктовалось остротой эпидемиологической ситуации, экономическими и политическими интересами. Все региональные правительства столкнулись с необходимостью поиска компромисса между необходимостью сдержать распространение пандемии, сохранить политическую стабильность и поддерживать экономику. При этом приоритеты у всех были разные.

Для Вьетнама вопрос выбора между сохранением здоровья нации и поддержанием экономики в условиях пандемии не стоял. Урок, извлеченный из негативного опыта борьбы с эпидемией SARS менее 20 лет назад, подсказал нужный ответ: сдержать распространение COVID-19 необходимо любыми средствами. И слова премьер-министра Нгуен Суан Фук, что «бороться с эпидемией надо как с врагом», не были пустым лозунгом. Вьетнамские власти среагировали быстро и на неожиданную вспышку инфекции нового типа коронавируса SARS-CoV-2 в конце июля на курорте Дананг.

В противоположность Вьетнаму в Индонезии центральное правительство было прежде всего озабочено миними-

зацией социально-экономических последствий ограничительных противоэпидемиологических мер. Вместо того, чтобы ввести карантин по всей стране, Джоко Видодо ограничился мерами социального дистанцирования, аргументируя это необходимостью сохранить рабочие места, особенно в неформальном секторе, чтобы избежать обострения социально-экономических проблем.

Неудивительно поэтому, что, несмотря на рост числа заболевших в стране и стремительное распространение инфекции, власти Индонезии уже в начале июня стали постепенно их отменять, руководствуясь сугубо экономическими соображениями при введении режима *new normal*. И хотя в теории этот термин означает, в частности, изменение поведения людей в условиях пандемии с соблюдением масочного режима и социальной дистанции, однако граждане восприняли нововведение как возможность возвратиться к прежней, нормальной жизни. В то же время у многих это решение правительства вызвало другую реакцию: они расценили его как отказ власти от дальнейших попыток бороться с COVID-19 [Syafiq Hasyim 2020].

Сравнение стран по показателю результативности предпринятых мер по контролю над распространением эпидемии коронавируса подтверждает тот факт, что более результативными в своем реагировании на возникшую угрозу оказались те страны, которые продемонстрировали наличие компетентного государственного аппарата, который действовал решительно и обеспечил эффективное взаимодействие между различными уровнями власти – от

7 На начальном этапе эпидемия в стране имела только одна лаборатория, готовая к проведению тестов на коронавирус, в Джакарте. По показателю охвата населения тестированием Индонезия заметно отставала от других стран ЮВА. Если во Вьетнаме в апреле на 1 тыс. человек приходилось 2,17 тестов, то в Индонезии – всего 0,21.

8 Согласно специальному протоколу, тела умерших от COVID-19 упаковывались в пластиковые пакеты и сжигались в крематориях в течение 24 часов после регистрации смерти, что противоречит мусульманской традиции. Нередки были случаи кражи тел умерших их родственниками, что усиливало риск распространения инфекции.

местного до общенационального. И наоборот, те страны, лидеры которых, исходя из краткосрочных экономических интересов, затаили с принятием ограничительных противоэпидемиологических мер, столкнулись с большими долгосрочными политическими и экономическими рисками.

Две страны привлекли всеобщее внимание своими усилиями по борьбе с COVID-19 на первом этапе распространения эпидемии – Вьетнам и Сингапур. Несмотря на то, что число заразившихся COVID-19 во Вьетнаме оставалось на достаточно низком уровне, премьер-министр страны Нгуен Суан Фук 30 марта объявил об угрозе пандемии в стране и призвал власти всех уровней ужесточить меры контроля, вплоть до ареста тех, кто находился без маски на улице. 1 апреля в стране был введен режим ограниченного карантина, в соответствии с которым стали реализовываться меры социального дистанцирования и были закрыты все границы.

Работали только предприятия, производившие товары первой необходимости. Все пациенты с коронавирусом госпитализировались в обязательном порядке вне зависимости от того, были у них симптомы или нет. Введенная система социального мониторинга позволяла выявить все возможные контакты с инфицированным до четвертого уровня и изолировать их в случае необходимости. В общей сложности к середине апреля через режим самоизоляции и карантина прошло более 130 тыс. человек. Провинциальным властям было дано разрешение вводить жесткий карантин в поселениях в случае обнаружения очагов инфекции, что и было сделано в пяти общинах, население ко-

торых практически оказалось в блокаде без права въезда и выезда.

В то же время успех Вьетнама в борьбе с коронавирусом вряд ли можно объяснить только разработкой правильной стратегии. Заслуга Вьетнама в другом – в эффективной реализации принятых мер, что обеспечивалось благодаря слаженной работе органов власти при тесном взаимодействии всех ее уровней. Это проявилось и в организации жесткого контроля за соблюдением эпидемиологических предписаний при подключении к этой работе военнослужащих и полицейских.

Сингапур своему успеху на первом этапе борьбы с эпидемией обязан эффективному государственному менеджменту в кризисной ситуации, разработке стратегии по сдерживанию распространения инфекции, предусматривающей осуществление следующих мер: масштабное тестирование населения; строгий контроль за состоянием здоровья населения посредством его мониторинга; принудительный карантин инфицированных. Это помогло затормозить распространение вируса. Когда число заболевших стало расти, в стране был введен режим частичного карантина, несоблюдение которого каралось штрафом до 7 тыс. долл. или тюремным заключением до полугода.

Ситуация, однако, резко обострилась, когда возникла вспышка инфекции среди рабочих-мигрантов, проживавших в перенаселенных общежитиях. Невнимание к положению иностранных рабочих, характерное для миграционной политики Сингапура, в итоге и стало причиной обострения эпидемиологической ситуации в стране. И хотя власти быстро среагировали на возникшую угрозу⁹, тем не менее по

9 В июне 24 тыс. рабочих мигрантов находились на карантине в общежитиях: они получали зарплату и им предоставляли питание. Правительство заявило, что будет активно проводить тестирование на коронавирус и переселять часть незаразных людей в пустующие здания или в армейские лагеря, что в итоге помогло пресечь распространение инфекции по стране.

показателю количества инфицированных к общему числу населения Сингапур опережает другие страны ЮВА.

Опыт борьбы с пандемией во Вьетнаме свидетельствует о важности такого фактора, как прозрачность власти, правительства, которые проявляют свою компетентность в борьбе с пандемией, открыто общаются с населением и предоставляют ему достоверную информацию, повышают свои шансы на поддержку граждан в соблюдении необходимых противоэпидемиологических мер. Ответственное поведение вьетнамцев во время эпидемии во многом объясняется высоким доверием к правительству. Согласно опросу общественного мнения, проведенному международной организацией Dalia Research в марте текущего года, 62% вьетнамцев были уверены в правильности принятых государством мер по борьбе с коронавирусом. По этому показателю Вьетнам опередил Южную Корею и Сингапур¹⁰.

Успех Вьетнама не связан с природой его авторитарного режима. Заслуга государства – в скорости и скоординированности действий, в своевременном принятии мер по предупреждению распространения инфекции при строгом контроле над их выполнением и при полной поддержке всего населения.

В Индонезии, которая причисляет себя к демократическим странам, власть оказалась неспособной обеспечить прямую связь с населением и заручиться его поддержкой, поскольку изначально пыталась скрыть досто-

верную информацию о распространении эпидемии. Джоко Видодо, который приобрел в обществе репутацию эффективного лидера, все чаще подвергался критике за медлительность и непоследовательность действий, которые не носили упреждающего характера.

Эпидемия стала политическим вызовом для власти, представляя угрозу для сохранения национального единства. В стране наметился конфликт интересов между центральной и местной властью по поводу целесообразности принятия тех или иных мер по борьбе с коронавирусом. Эпидемиологический кризис мог перерасти в политическую плоскость. Стала утрачиваться вера в управленческие способности президента. Подрывало доверие к нему и циркулирующее в обществе мнение, что его правительство целенаправленно ограничивает проведение массового тестирования населения¹¹ и предоставляет ложную информацию о числе заразившихся и умерших¹².

Формирующееся в обществе недовольство предпринимаемыми правительством действиями по борьбе с пандемией играет на руку оппозиции, которая использует сложную эпидемиологическую ситуацию в своих политических целях в расчете на получение голосов избирателей на будущих выборах. По данным опроса общественного мнения, популярность Джоко Видодо сказала на его политическом рейтинге, который с 69,5% в феврале снизился до 66,5% в мае¹³.

10 Minh Vu, Bich T.T. (2020) The Secret to Vietnam's COVID-19 Response Success // The Diplomat, April 18, 2020 // <https://thediplomat.com/2020/04/the-secret-to-vietnams-covid-19-response-success/>, дата обращения 15.10.2020.

11 К концу мая, по официальным данным, в стране с населением 269 млн человек было проведено всего 300,5 тыс. тестов 205,2 тыс. человек.

12 Bean J.P. (2020) Indonesia's 'New Normal' a Disaster in the Making // The Asia Times, June 11, 2020 // https://asiatimes.com/2020/06/indonesias-new-normal-a-disaster-in-the-making/?mc_cid=98ca8d9147&mc_eid=f7f2dceab2, дата обращения 15.10.2020.

13 Stolen Corpses Rejected Masks: Indonesia's Coronavirus Calamity Worsens (2020) // South China Morning Post, September 1, 2020 // www.scmp.com/news/asia/southeast-asia/article/3094003/stolen-corpses-rejected-masks-indonesias-coronavirus, дата обращения 15.10.2020.

В отсутствии доверия власть обрекает себя на неповиновение масс, проявляющееся как в критике действий правительства, так и в отказе от соблюдения санитарных предписаний, что побуждает государство к ответным мерам по ужесточению контроля за обществом.

Политические последствия пандемии в регионе

В некоторых странах ЮВА правящая элита воспользовалась пандемией для усиления авторитарных методов управления страной, подавления оппозиции и консолидации власти. Авторитаризм в этих странах – явление не новое. Пандемия лишь создала благоприятные условия для укрепления подобных режимов с последствиями для ослабления оппозиции и ущемления гражданских свобод.

Решение о наделении премьер-министра Таиланда чрезвычайными полномочиями у многих в стране вызвало озабоченность. И если на начальном этапе борьбы с эпидемией подобная мера была обоснованной и объяснялась необходимостью концентрации власти для повышения эффективности проводимых действий, то, когда ситуация нормализовалась, надобность в сохранении чрезвычайного положения в стране отпала.

Однако Прают чан-Оча не торопился с его отменой¹⁴, что давало повод для спекуляций относительно истинных намерений премьер-министра – консолидировать власть на случай возникновения беспорядков, вызванных экономическими последствиями пандемии,

и усилить давление на своих политических оппонентов и критиков режима.

Тем более что причина для беспокойства имеется: в Таиланде, вопреки всем попыткам нынешнего режима ослабить демократическую оппозицию, она по-прежнему активно заявляет о себе, несмотря на действие чрезвычайного положения, которое, по ее мнению, служит политическим интересам власти по ограничению свободы слова и собраний¹⁵. Службы безопасности получили дополнительные полномочия арестовывать и задерживать без суда всех подозреваемых в нарушении постановления о чрезвычайном положении.

Президент Филиппин Р. Дутерте, получивший от Конгресса «особые временные полномочия», которые легализовали его право на проведение жестких карантинных мер, пошел еще дальше в ужесточении мер наказания – приказал полиции и армии расстреливать всех, кто нарушал противоэпидемиологические предписания. Первый подобный инцидент был зафиксирован уже 4 апреля. Объектами уголовного преследования стали не только нарушители карантина, но также независимые журналисты и представители сексуальных меньшинств.

Недовольство политикой правительства стали высказывать и представители бизнеса, которые выступили с совместным обращением. В нем указывалось на противоречивость многих указов правительства, изданных во время эпидемии, и на произвол чиновников. Пандемия COVID-19 стала проверкой на прочность правления Р. Дутерте, который использовал сложную эпидемиологическую ситуацию в инте-

¹⁴ Режим чрезвычайного положения, введенный 26 марта 2020 г., должен был действовать до 30 апреля. С тех пор он продлевался дважды.

¹⁵ Critics Suspect Power Grab in Virus Decree Extension, June 30, 2020 // <https://www.khaosodenglish.com/politics/2020/06/30/critics-suspect-power-grab-in-virus-decree-extension/>, дата обращения 15.10.2020.

ресах еще большей концентрации своей власти [Deinla 2020].

Несмотря на введение в стране одного из самых жестких в ЮВА режимов карантина с сопутствующими политическими ограничениями, президент Филиппин оказался неспособным сдержать распространение эпидемии, которая усугубляется высокой смертностью и низким показателем вылечившихся. Р. Дутерте, который пользовался большой популярностью до пандемии, стал ее утрачивать, в то время как более прогрессивные политики, как, например, мэры городов Пасига и Манилы, наоборот, стали ее набирать. По мнению Р. Хейдаряна, корреспондента авторитетного японского издания *Nikkei Asian Review*, создается впечатление, что мы наблюдаем начало конца эры популизма Р. Дутерте в пользу более прогрессивных и динамичных лидеров [Heydarian 2020].

В Камбодже национальная ассамблея приняла закон о чрезвычайном положении в стране, предоставив новые полномочия авторитарному лидеру Хун Сену. Теперь правительство вправе не только вводить карантин, ограничивать свободу передвижения, захватывать частную собственность, но и осуществлять полный надзор над телекоммуникационными системами, контролировать прессу и социальные сети. И это при том, что на момент введения чрезвычайного положения в стране число заболевших составляло всего 115 человек. Любому, нарушившему карантинные предписания, публично обсуждавшему проблему COVID-19 в Интернет и выразившему недовольство действиями властей, грозило тюремное заключение до 10 лет. Аресты стали проводиться ежедневно.

По мнению правозащитной организации Human Rights Watch, правительство Камбоджи использовало пандемию как предлог для введения абсолютного контроля над всеми аспектами гражданской, политической, социальной и экономической жизни без временных ограничений и в отсутствие системы сдержек и противодействия¹⁶.

Пандемия COVID-19 усилила ранее наблюдавшиеся тенденции в области ущемления гражданских свобод и прав человека в регионе. И в первую очередь это проявилось в цензуровании СМИ с использованием так называемых законов по борьбе с фейковыми новостями. В качестве примера можно назвать сингапурский Закон о защите от онлайн-фальсификаций и манипуляций (*Protection from Online Falsehoods and Manipulation Act*), который использоваться против постов, размещенных в Интернете с критикой попыток правительства скрыть истинное положение с коронавирусом в стране, чтобы избежать паники.

В Таиланде был задействован Центр по борьбе с фейками в информационном пространстве (*Anti-Fake News Centre*) для идентификации и наказания лиц, причастных в распространении ложной информации об эпидемиологической ситуации. Во Вьетнаме был введен жесткий контроль за публикацией ложных, с точки зрения правительства, сведений об эпидемии коронавируса в стране в интернет-пространстве. За период с конца января до середины марта под запрет попало более 600 тыс. постов о COVID-19 в социальных сетях. 800 человек были оштрафованы. Аналогично поступали власти в Мьянме и на Филиппинах.

16 Ratcliffe R. (2020) Fears as Cambodia Grants PM Vast Powers under Covid-19 Pretext // The Guardian, April 10, 2020 // www.theguardian.com/world/2020/apr/10/fears-as-cambodia-grants-hun-sen-vast-power-under-covid-19-pretext, дата обращения 15.10.2020.

Даже в Индонезии была усилена информационная цензура. За два месяца с начала эпидемии 51 человек были арестованы по обвинению в распространении ложных сведений о коронавирусе в стране. Джоко Видодо, как и другие лидеры ЮВА, воспользовался пандемией для ограничения свободы слова и давления на оппозицию. Полиции было дано распоряжение арестовывать всех, кто выступал с осуждением действий президента по борьбе с пандемией [Kurlantzick (2) 2020].

Криминализируя сферу распространения ложных сведений о коронавирусе, руководство стран ЮВА преследовало более важную для себя политическую цель – расширить свой контроль над средствами массовой информации и ограничить свободу слова, особенно если это было связано с критикой действий правительства.

Пандемия обнажила слабость системы государственного управления в кризисной ситуации. И чтобы компенсировать этот недостаток, власть пошла на укрепление полномочий сил безопасности. Повсеместно были задействованы армия и полиция, получившие дополнительные широкие полномочия для осуществления жесткого контроля за соблюдением противоэпидемиологических предписаний.

Во Вьетнаме полиция осуществляла постоянное наблюдение за поведением граждан на улице и дома, как визуальное, так и посредством ИКТ. Эти технологии стали широко применяться для выявления инфицированных и их контактов. В Малайзии за соблюдением частичного карантина в стране также следили вооруженные силы. Аналогичные функции были возложены на армию и

полицию в Таиланде, где главой оперативного центра по борьбе с коронавирусом по распоряжению премьер-министра Прают чан-Оча был назначен командующий королевскими вооруженными силами Помпипат Бенбасри.

Когда в Индонезии в апреле обострился политический конфликт между центральной и провинциальной властью, то в публичное пространство просочились сведения о том, что Джоко Видодо готов использовать силовые ведомства для контроля над губернаторами, если те будут представлять угрозу для центра. Их автономная политика по борьбе с эпидемией оценивалась им как посягательство на легитимность власти президента. Политический кризис был предотвращен без применения военной силы, однако армия, обеспечивающая контроль за соблюдением противоэпидемиологических мер, оставалась на страже интересов государства.

Контроль за информационными потоками, подавление свободы слова, маргинализация оппозиции и демократических сил, усиление силовых структур – таковы реальные политические последствия пандемии в регионе. И вопрос в том, смогут ли хрупкие демократические режимы устоять в условиях усиления авторитарных тенденций в управлении страной? Как заявил Тедди Бегуйлат, бывший член парламента Филиппин, «мы должны быть уверены в том, что пандемия COVID-19 не станет новым инструментом для повышения уровня легитимности и защиты авторитарного руководства»¹⁷. Многое будет зависеть от реализации принятых правительствами стран ЮВА мер по преодолению негативных социально-экономических последствий пандемии.

17 Ratcliffe R. (2020) Fears as Cambodia Grants PM Vast Powers under Covid-19 Pretext // The Guardian, April 10, 2020 // www.theguardian.com/world/2020/apr/10/fears-as-cambodia-grants-hun-sen-vast-power-under-covid-19-pretext, дата обращения 15.10.2020.

Меры поддержки населения и бизнеса

Экономика стран Юго-Восточной Азии ощутила на себе сильнейший удар глобального экономического кризиса, вызванного распространением пандемии. Уже сейчас ясно, что экономическое воздействие будет огромным, сравнимым с ущербом от азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., а может быть, даже сильнее. С одной стороны, экономики стран Юго-Восточной Азии куда лучше подготовлены, чем во времена Азиатского финансового кризиса, поразившего регион два десятилетия назад, поскольку обладают куда большими валютными резервами и в целом более сильными макроэкономическими позициями по сравнению с ситуацией конца 1990-х гг.

С другой стороны, уже накануне «коронавирусного» кризиса темпы экономического роста региона начали снижаться: совокупный ВВП стран региона в 2019 г. по сравнению с 2018 г. сократился с 5,1 до 4,4%¹⁸. Основной причиной этого явления были нарастающие деформации региональных и включающих регион глобальных производственно-сбытовых цепочек, вызванные обострением американо-китайского торгового конфликта. В 2020 г. эти деформации не только резко усилились, но и были дополнены осложнениями разной степени во многих сферах экономики почти всех стран ЮВА.

Уже к концу I квартала 2020 г. стало очевидным, что экономический шок в результате COVID-19 может оказаться для ЮВА куда глубоким и длительным, по сравнению с предшествовавшими региональным кризисными ситуация-

ми, – в зависимости от того, как будет далее развиваться пандемия и сохранится ли значительная неопределенность в связи с темпами распространения и конечным количеством зараженных вирусом людей.

Первые попытки оценить экономические последствия COVID-19 по итогам I квартала 2020 г. были предприняты уже в апреле Азиатским банком развития (АзБР) [Asian Development Outlook 2020], МВФ [World Economic Outlook 2020] и МБРР [World Bank 2020]. Их прогнозы предусматривали умеренное сокращение темпа роста в регионе в результате экономического шока от этой пандемии. Так, в частности, эксперты АзБР предполагали, что совокупный темп прироста ВВП в регионе сократится в 2020 г. до 1%, но в 2021 г. составит уже 4,7%, т. е. будет выше, чем в 2019 г. Аналитики МВФ были более пессимистичны, прогнозируя сокращение темпа прироста регионального ВВП в 2020 г. на 0,6% (во внимание принимались показатели только пяти ведущих стран ЮВА), однако рассчитывали на очень высокий показатель прироста ВВП в регионе в 2021 г. – до 7,8%. Специалисты МБРР воздержались от прогноза темпов прироста ВВП в регионе в целом, отметив, однако, что в ведущих развивающихся странах АСЕАН будет иметь место падение ВВП в пределах от –0,5 до –5% (за исключением Вьетнама, который удержится в положительной динамике роста – 1,5%) [Asian Development Outlook 2020, p. 20].

Оценки, приводимые экспертами частных консалтинговых компаний, были более пессимистичными. Так, например, в Capital Economics прогнозировали почти 10%-е падение ре-

18 Searight A. (2020) The Economic Toll of Covid-19 on Southeast Asia: Recession Looms as Growth Prospects Dim // Center for Strategic and International Studies (CSIS), April 14, 2020 // <https://www.csis.org/analysis/economic-toll-covid-19-southeast-asia-recession-looms-growth-prospects-dim>, дата обращения 15.10.2020.

гионального ВВП в 2020 г.¹⁹ И, как показали прогнозы, основанные на анализе данных первых четырех месяцев 2020 г., они были ближе к истине: аналитики АзБР в мае 2020 г. пришли к выводу, что совокупный региональный ВВП в ЮВА в 2020 г. сократится на 4,6–7,2%, а общий ущерб, который понесет экономика стран ЮВА, составит от 163 до 253 млрд долл. США²⁰.

Более поздние прогнозы, основанные на итогах развития экономики основных стран ЮВА во II квартале 2020 г., предполагают гораздо большее падение ВВП в годовом исчислении: на Филиппинах – на 17,1%, в Сингапуре – на 13,2%, в Таиланде – на 12,2% (наихудшие результаты за более чем 20 лет), в Индонезии – 5,3% (наихудший результат после 1999 г.). Лишь для Вьетнама прогнозируется небольшой рост ВВП – 0,4%²¹. Тогда же было впервые высказано мнение о том, что все страны ЮВА охватила полномасштабная рецессия.

Воздействие кризиса COVID-19 на экономику весьма разнообразно, соответствует специфике каждой страны ЮВА и осуществляется по нескольким каналам. Во-первых, страны АСЕАН широко открыты для торговли и инвестиций, а также для туризма, и все эти секторы серьезно пострадали в результате распространения глобальной пандемии. Спрос на многие экспортные товары из этих стран – натуральный каучук, пальмовое масло, руды и металлы из Индонезии; промышленные полуфабрикаты и компоненты из Малай-

зии, Вьетнама и Филиппин; текстиль из Камбоджи – резко упал и явно продолжит оставаться на низком уровне в течение всего кризиса. Приостановка и ожидаемое очень медленное восстановление туристических потоков крайне негативно скажется на экономике Таиланда, Малайзии, Индонезии, Филиппин и Вьетнама. Сингапур уже испытал сильный удар по объемам своей торговли в 2019 г. вследствие торгового конфликта между США и Китаем, а теперь сталкивается с дальнейшим падением торговли товарами и услугами, а также стагнации туристического сектора.

Экономики стран ЮВА имеют диверсифицированный набор партнеров по торговле и инвестициям, включая США, Европейский Союз, Китай, а также других членов АСЕАН. В обычные времена этот диверсифицированный портфель обеспечивал защитный барьер от экономического спада, однако в рамках текущей глобальной пандемии все эти партнеры столкнулись с полным прекращением или весьма туманными перспективами роста в течение первых трех кварталов 2020 г.

Во-вторых, обвал цен на энергоносители, вызванный резким падением их потребления вследствие низкого спроса со стороны промышленности и обширных ограничений на передвижение, окажет сильнейшее воздействие на страны ЮВА, зависящие от экспорта энергоносителей, а именно Индонезию, где угольная и нефтяная отрасли обес-

19 Virus-Fueled Recession Interrupts ASEAN Path to Middle-Income Status (2020) // VOA News, April 28, 2020 // <https://www.voanews.com/covid-19-pandemic/virus-fueled-recession-interrupts-asean-path-middle-income-status>, дата обращения 15.10.2020.

20 Venzon C. (2020) ADB Warns Coronavirus Threatens to Chop 10% Off Global Output // The Nikkei Asian Review, May 15, 2020 // https://asia.nikkei.com/Economy/ADB-warns-coronavirus-threatens-to-chop-10-off-global-output?utm_campaign=RN%20Subscriber%20newsletter&utm_medium=coronavirus_newsletter&utm_source=NAR%20Newsletter&utm_content=article%20link&del_type=10&pub_date=20200515150000&seq_num=4&si=%user_id%data, дата обращения 15.10.2020.

21 Kentaro Iwamoto (2020) ASEAN Crisis Like no Other Shifts Focus from COVID to Economy // The Nikkei Asian Review, August 21, 2020 // https://asia.nikkei.com/Economy/ASEAN-crisis-like-no-other-shifts-focus-from-COVID-to-economy?utm_campaign=RN%20Subscriber%20newsletter&utm_medium=daily%20newsletter&utm_source=NAR%20Newsletter&utm_content=article%20link&del_type=1&pub_date=20200821190000&seq_num=4&si=87322, дата обращения 15.10.2020.

печивают около четверти всего экспорта, Малайзию, где нефть и газ составляют около 16% экспорта, а также Бруней, где нефть и газ доминируют в экспорте (более 90%), и в меньшей степени Вьетнам.

В-третьих, резкое падение внутреннего спроса вследствие самоизоляции и других карантинных мер окажет сильнейшее мультипликативное воздействие на эти экономики – потребление составляет около 60% ВВП в ведущих экономиках АСЕАН (за исключением Сингапура).

Четвертым каналом воздействия кризиса COVID-19 на экономику стран ЮВА является отток капитала. И если прямые иностранные инвестиции относительно вязки и не могут быть выведены одномоментно, международные портфельные инвесторы в ценные бумаги и облигации быстроразвивающихся рынков спровоцировали масштабный отток капитала из региона, устремившись в безопасные убежища перед лицом усиления глобальной пандемии.

В более долгосрочной перспективе представляется крайне сложной задачей спрогнозировать итоговое экономическое воздействие кризиса на Юго-Восточную Азию, поскольку сохраняется значительная неопределенность в отношении того, как будет развиваться пандемия в ближайшие несколько месяцев и в последующий период, а также того, как этот кризис изменит глобальную экономику. С большой степенью вероятности он усилит текущий процесс возвращения производственных мощностей из Китая и остальной Восточной Азии.

Хотя определенные секторы в странах Юго-Восточной Азии выиграли от недавних перестроек цепочек поставок из-за уменьшения в них роли Китая, неочевидно, что в период после пандемии тенденции будут столь же благо-

приятными для региона. Соображения национальной безопасности в США и других развитых странах теперь играют первостепенную роль в подходе к вопросам о фармацевтических ингредиентах и компонентах для производства медицинских препаратов и изделий, а перебои в транспортном сообщении и затруднения в форме карантина, необходимости получения документов об отсутствии заболевания и страха путешествий с большой степенью вероятности ускорят процесс сокращения цепочек поставок.

Впрочем, есть и позитивный момент в текущем «коронавирусном» кризисе: смещение экономической активности в сферу облачных технологий и необходимость мобильного отслеживания и других технологических решений по сдерживанию заболевания и предотвращению будущих вспышек вируса может оказаться на руку некоторым странам ЮВА, в частности, Сингапуру, Индонезии и Вьетнаму, которые уже находятся на переднем крае развития цифровой экономики на основе мобильных приложений.

Глобальные и региональные изменения в спросе на цифровые приложения, а также государственная политика, призванная поддержать этот сектор, могут стимулировать инновации и укрепить позиции предпринимателей, работающих в цифровой экономике, что позволит улучшить перспективы роста и развития экономики Юго-Восточной Азии, когда мир выйдет из этого глобального кризиса.

Разумеется, воздействие кризиса на те или иные страны ЮВА зависит от структуры их национальной экономики, а также от исходных экономических условий на момент вступления их в кризис. Но в любом случае наиболее тяжелый урон от «коронавирусного» кризиса уже понесли и будут нести беднейшие слои населения стран ЮВА, а также

предприятия малого и среднего бизнеса и занятые на них. Как показала практика, государствами ЮВА были предприняты разнообразные меры поддержки населения и бизнеса, многие из которых были направлены на содействие именно наиболее пострадавшим от «коронавирусного» кризиса. Однако государства региона располагали для этого разными возможностями²².

Сингапур. Правительство города-государства, располагающее значительными финансовыми ресурсами, приняло четыре программы, симулирующие национальную экономику (Unity 2020, Resilience Budget, Solidarity Budget, Fortitude Budget) общей стоимостью 70 млрд долл. США, что примерно равно 20% ВВП страны. В рамках этих программ правительство²³:

- предоставило всем компаниям страны налоговый вычет на 25% от уплачиваемого корпоративного налога, но не более 10,7 млн долл. США на компанию; на уплату корпоративного налога в апреле-мае был предоставлен трехмесячный мораторий; аналогичный мораторий был предоставлен на уплату подоходного налога физическим и юридическим лицам;
- на каждого занятого на предприятиях сингапура правительство предоставило предпринимателям субсидию для выплаты ему не менее 75% заработной платы в сумме не более 3 223 долл. США ежемесячно на срок до августа 2020 г.; кроме того, правительство зарезервировало 5,9 млрд долл. США

для реализации трехлетней программы подготовки и переподготовки кадров;

- была принята программа обеспечения льготными займами для пополнения рабочего капитала малых и средних предприятий (до 702 тыс. долл. США каждому со сроком погашения до пяти лет), при этом государство принимало на себя 90% рисков перед банками-займодавцами;
- для сингапурских предпринимателей, широко использующих труд рабочих-мигрантов, немаловажной была отмена ряда налогов на иностранных сотрудников; в случае найма местных работников (их в стране около 1,9 млн человек) правительство субсидировало от 20 до 40% соответствующих зарплат (но не более 4 200–8 400 долл. США);
- были предоставлены дополнительные льготы для компаний, относящихся к таким отраслям, как туризм, различные виды транспорта (особенно авиационный)²⁴, розничная торговля, сфера питания и гостиничных услуг – они получили дополнительную финансовую поддержку (для гостиниц, в частности, был установлен 30-й вычет при уплате в 2020 г. налога на недвижимость).

Филиппины. Правительство с трудом изыскало бюджетные средства для оказания помощи населению и бизнесу. Только в середине марта с. г. Мини-

22 Здесь и далее использованы в основном данные следующего источника: Ayaman Falak Medina (2020) Government Measures to Counter COVID-19 Impact in ASEAN // ASEAN Briefing. No 17. July 2020, pp. 4–5.

23 Cheng K. (2020) DPM Heng Unveils S\$48 Billion Support Package to See Singapore through Covid-19 Crisis // Today, March 26, 2020 // https://www.todayonline.com/singapore/landmark-s48-billion-package-see-singapore-through-covid-19-dpm-heng?cid=emarsys-today_TODAY%27s%20evening%20briefing%20for%20March%2026,%202020%20%28ACTIVE%29_newsletter_26032020_today, дата обращения 15.10.2020.

24 Не имея внутреннего рынка перевозок, национальный авиаперевозчик Singapore Airlines, осуществляющий международные рейсы по 132 направлениям, оказался в катастрофическом финансовом положении.

стерство финансов объявило о выделении 27,1 млрд песо (530 млн долл.) для реализации программ по смягчению отрицательных последствий COVID-19 для экономики страны. Примерно половина этой суммы пошла на поддержку серьезно пострадавшего сектора туризма. Остальные средства были направлены на обеспечение мер по предотвращению распространения коронавируса, предоставлены субсидии беднейшим слоям населения и лицам, потерявшим источники дохода, а также на поддержку фермеров. Реализуемые программы вызвали серьезное недовольство со стороны определенных бизнес-групп Филиппин, особенно со стороны крупного капитала. Они призывают принять более обширную программу помощи бизнесу стоимостью почти 4,3 млрд долл. США, что нерезально²⁵.

Индонезия. В феврале–мае правительство приняло несколько программ, направленных на поддержку населения и бизнеса в условиях пандемии, на сумму примерно 80 млрд долл. США. Их реализация планировалась на период до сентября 2020 г. Программы предусматривали в основном предоставление налоговых и неналоговых льгот и стимулов:

- было выделено 8,3 млрд долл. США в рамках программы стимулирования наиболее пострадавшим промышленным предприятиям, в основном малым и средним;
- на 2020/21 финансовый год ставка корпоративного налога была сни-

- жена с 25 до 22% и объявлено, что в 2022/23 финансовом году она будет сокращена до 20%; для компаний в 17 ведущих отраслях экономики страны ставка корпоративного налога была снижена на 30%;
- ставка подоходного налога для компаний, имеющих годовой оборот не выше 326 тыс. долл. США, до сентября 2020 г. была установлена на уровне 0,5%; на этот же период физические лица, занятые на предприятиях 17 ключевых отраслей и имеющие годовой доход менее 13 тыс. долл. США, были полностью освобождены от уплаты подоходного налога;
- были облегчены экспортно-импортные операции по многим товарам и понижены взимаемые на них налоги и сборы;
- в основных курортных зонах страны было прекращено взимание 10%-го налога на отели и рестораны²⁶;
- была смягчена политика регулятора в отношении плохих долгов и реструктуризация долгов как для корпораций, так и для микро-, малого и среднего бизнеса;
- для беднейших групп населения была организована прямая денежная помощь нуждающимся и раздача талонов на получение базовых продуктов питания.

Бруней. Международная статистика уже безоговорочно относит Бруней к группе развитых стран. Государство оказало населению и бизнесу доволь-

25 Virus-Fueled Recession Interrupts ASEAN Path to Middle-Income Status (2020) // VOA News, April 28, 2020 // <https://www.voanews.com/covid-19-pandemic/virus-fueled-recession-interrupts-asean-path-middle-income-status>, дата обращения 15.10.2020.

26 Asia Turns on the Fiscal Taps to Cushion Coronavirus Impact (2020) // The Nikkei Asian Review, March 23, 2020 // <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Coronavirus/Asia-turns-on-the-fiscal-taps-to-cushion-coronavirus-impact>, дата обращения 15.10.2020.

27 Langkah-langkah kerajaan dalam menangani impak Covid-19 di Negara Brunei Darussalam (2020) // Bandar-Seri-Begawan, April 27, 2020, Hal. 21–23.

но скромную поддержку, объявив о ней лишь в конце апреля 2020 г.²⁷

Для физических лиц существенными оказались такие меры, как: 1) отсрочка на шесть месяцев обязательных платежей в пенсионный и страховой фонды для тех, кто зарабатывает менее 1 150 долл. США на предприятиях, относящихся к категории микро-, малого и среднего бизнеса с числом занятых менее 100 человек; 2) 25%-я надбавка к зарплате в течение трех месяцев для занятых в такого рода предприятиях (исключительно подданных султаната).

Юридическим лицам были предоставлены скидки по налогам и платежам: 1) 30%-я скидка по платежам за аренду помещений в зданиях, принадлежащих государству, для МСП в следующих отраслях («целевых»): туризм, гостиничное дело, общепит, воздушный и водный транспорт; 2) 50%-я скидка на корпоративный налог, который будет начислен в 2021 г., для предприятий тех же отраслей; 3) 15%-я скидка по платежам за воду и электроэнергию для «целевых» отраслей; 4) временно не взимались таможенные пошлины и акцизные сборы на предметы гигиены, в первую очередь необходимые для борьбы с пандемией.

Правительство отменило до 30 сентября 2020 г. также налоги и сборы на все торговые и платежные операции в сфере туризма, общественного питания, воздушного транспорта, а также на импорт продовольственных товаров и медикаментов. Были прекращены выплаты по основной части долга для операций купли-продажи земельных участков для любых целей. До 30 декабря 2020 г. приостановлены комиссионные платежи по банковским операциям, в т. ч. межбанковским.

Малайзия. Начиная с февраля 2020 г. правительство приняло четыре программы поддержки населения и бизнеса в период пандемии общей стои-

мостью более 60 млрд долл. США (около 17% ВВП), направленных на смягчение воздействия пандемии COVID-19 на экономику и наиболее пострадавших граждан и компании [Asian Development Outlook 2020, p. 281]. Из этой суммы более 5 млрд долл. США было предоставлено непосредственно малым и средним предприятиям в разных формах: 1) займы под низкие проценты; 2) отсрочки по налоговым платежам и погашению банковских кредитов; 3) субсидии на выплату зарплат персоналу. Правительство также поручило банковским институтам провести пересмотр графика выплат по кредитам или вообще отложить их для тех заемщиков, которые напрямую пострадали от вспышки коронавируса.

Кроме того, любой малой или средней компании была предоставлена возможность получить заем в размере от 4,5 до 226 тыс. долл. США на срок до 5,5 лет с шестимесячным льготным периодом. Микрокомпании получили право на получение беспроцентных займов на сумму до 17 тыс. долл. США, а предпринимателям, использующим труд мигрантов-иностранцев, была предоставлена 25%-я скидка на налог на иностранную рабочую силу (foreign worker levy).

Каждый занятый, получавший зарплату менее 916 долл. США в месяц и потерявший работу в связи с пандемией, получил право на субсидию из бюджета в размере 137 долл. США ежемесячно на период до сентября 2020 г.

Гостиницы, туристические агентства, торговые центры, а также конференц-залы и выставочные центры получили 15%-ю скидку на оплату ежемесячных счетов за электроэнергию. Все малазийские домохозяйства и коммерческие потребители получили 2%-е возмещение расходов на электроэнергию в течение шести месяцев.

Таиланд. Правительство Таиланда приняло три стимулирующие програм-

мы общей стоимостью свыше 60 млрд долл. США. Эти средства были в основном израсходованы на поддержку малых и средних предприятий в форме: 1) долгосрочных займов по низкой процентной ставке; 2) понижения налоговых ставок; 3) безвозмездных выплат персоналу пострадавших МСП. В рамках третьей программы, реализованной в основном в апреле 2020 г., из средств госбюджета коммерческим банкам страны было выделено 15 млрд долл. США целевым назначением – для предоставления малым и средним предприятиям льготных займов под 2% годовых на сумму до 15 млн долл. США каждому (в течение первых шести месяцев проценты с заемщиков не взымались, их выплачивало государство).

Вьетнам. Правительство выделило 12 млрд долл. США в качестве поддержки предприятий в таких наиболее пострадавших отраслях, как авиационный транспорт, туризм, гостиничный бизнес и другие сектора сферы услуг. Для этих компаний Министерство финансов отсрочило на пять месяцев уплату налога на добавленную стоимость и арендные платежи.

Для поддержания фондового рынка министерство также распорядилось сократить взносы, взимаемые биржами и Вьетнамским депозитарием ценных бумаг (Vietnam Securities Depository) – на 10% снижены вычеты за трейдинговые и депозитарные функции, на 15–20% снижены сборы за торговлю деривативами и на 30–50% сокращены сборы за эмиссию ценных бумаг.

Помощь государства была оказана преимущественно крупным государственным компаниям, что вызвало недовольство представителей нарождающегося среднего класса Вьетнама, собственников малых и средних предприятий и многочисленных индивидуальных предпринимателей, как официально действующих, так и из неформаль-

ного сектора. Помощь им была явно недостаточна, причем, в отличие от других стран региона, вьетнамское правительство во главе с премьер-министром Нгуеном Суан Фуком 17 марта с. г. наоборот призвало общественность и компании жертвовать деньги и средства медицинской защиты для поддержки государства в период кризиса.

Эти меры направлены на минимизацию социально-экономических потерь пандемии, оценить потери которой не представляется пока возможным.

Могут ли страны ЮВА рассчитывать на АСЕАН как институт регионального взаимодействия в оказании им содействия в преодолении эпидемиологического кризиса и минимизации его экономических последствий?

Нельзя сказать, что АСЕАН не реагировала на кризисную ситуацию. Уже 14 апреля 2020 г. была проведена видеоконференция с участием глав государств, на которой обсуждались перспективы совместных действий. Однако, несмотря на то, что на уровне АСЕАН было проведено нескольких встреч (частично в online-формате), в т. ч. с партнерами по диалогу (Китаем, Южной Кореей, США и Европейским Союзом), на которых обсуждалась проблема борьбы с пандемией, тем не менее они не завершились принятием коллективных мер и конкретных региональных программ.

АСЕАН с ее главным принципом деятельности – невмешательства во внутренние дела государств – членов организации – не обладает полномочиями для оказания на них давления в плане проведения как противозидемиологических, так и экономических стимулирующих мер, которые каждая страна принимает, исходя из своих собственных национальных интересов. АСЕАН свойственны декларации о намерениях и громкие заявления, рассчитанные на перспективу и не подкрепленные ни-

какими конкретными мерами. Это подтверждает и текст декларации по итогам прошедшей в апреле встречи АСЕАН+3, (Китай, Южная Корея, Япония)²⁸.

С аналогичным результатом завершились встречи АСЕАН с Европейским Союзом и Индией 12 сентября 2020 г., на которых стороны высказали пожелание развивать сотрудничество в сфере борьбы с пандемией и оказывать содействие в восстановлении пострадавших от нее экономик²⁹. Однако на двусторонней основе международная помощь оказывается. Успехи борьбы с коронавирусной инфекцией в Лаосе и Камбодже – во многом результат сотрудничества с Китаем, который еще 20 февраля на встрече с министрами иностранных дел АСЕАН обсудил пути преодоления медицинских и экономических последствий глобальной пандемии. Стороны договорились развивать сотрудничество в сфере обмена информацией и опытом, учитывая позитивные результаты в борьбе с COVID-19, достигнутые КНР.

В свою очередь государственный секретарь США Майк Помпео в сентябре 2020 г. заявил о готовности США открыть в Ханое подразделение Центра по контролю за болезнями в интересах расширения сотрудничества со странами ЮВА в медицинской сфере, что нашло отражение и в совместной декларации по итогам 10-й встречи АСЕАН – США на уровне министров³⁰.

Сами страны АСЕАН на 36-м Саммите, прошедшем в online-формате 26 июня, уделили рассмотрению вопроса о воздействии COVID-19 на регион столько же внимания, сколько и другим проблемам – ситуации в Южно-Китайском море, положению рохинджа в Мьянме и рекультивации земель³¹. Единственное, о чем они конкретно договорились, – об учреждении фонда борьбы с COVID-19, призванного оказывать помощь странам в поставках медицинского оборудования и оснащения (Таиланд, в частности, предложил выделить 100 тыс. долл. США). Ожидается присоединение к этому проекту Китая, Японии и Южной Кореи. Однако до сих пор нет полной ясности в вопросе финансирования фонда.

Хенг Ти Ха, ведущий аналитик сингапурского Института стран Юго-Восточной Азии им. Юсуфа Исхака (ISEAS-Yusof Ishak Institute), отмечает, что «единый ответ стран АСЕАН на COVID-19 носит скорее риторический характер, чем практический». По ее мнению, страны запоздали с принятием коллективных мер, их скоординированная позиция по пандемии должна была быть выработана на начальном этапе распространения инфекции. Оценка возможных рисков и создание системы раннего оповещения помогли бы странам в осуществлении превентивных мер³².

28 Joint Statement of the Special ASEAN plus Three Summit on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // ASEAN // <https://asean.org/joint-statement-special-asean-plus-three-summit-coronavirus-disease-2019-covid-19/>, дата обращения 15.10.2020.

29 Chairman's Statement of the ASEAN Post Ministerial Conference (PMC) 10+1 Session with India (2020) // ASEAN, September 19, 2020 // <https://asean.org/chairmans-statement-asean-post-ministerial-conference-pmc-101-session-india/>, дата обращения 15.10.2020.

30 Co-Chairs' Statement of the Special ASEAN-United States Foreign Ministers' Meeting on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // ASEAN // <https://asean.org/co-chairs-statement-special-asean-united-states-foreign-ministers-meeting-coronavirus-disease-2019-covid-19/>, дата обращения 15.10.2020.

31 Chairman's Statement of the 36th ASEAN Summit 26 June 2020 Cohesive and Responsive ASEAN (2020) // ASEAN, June 27, 2020 // <https://asean.org/chairmans-statement-36th-asean-summit-26-june-2020-cohesive-responsive-asean/>, дата обращения 15.10.2020.

32 Demetriadi A. (2020) ASEAN's Covid-19 Response: United in Name, Divided in Practice // Southeast Asia Globe, May 15, 2020 // <https://southeastasiaglobe.com/asean-covid-19-response/>, дата обращения 15.10.2020.

Очевидно, что COVID-19 станет побудительным фактором расширения регионального сотрудничества в сфере медицины. Стоящая перед странами региона задача по выходу из текущего эпидемиологического кризиса, затронувшего все сферы их жизнедеятельности, поднимает значимость АСЕАН как института регионального взаимодействия. Но сможет ли АСЕАН способствовать углублению их интеграционных связей, необходимых для восстановления экономик стран ЮВА, вопрос остаётся открытым.

Эпидемиологическая ситуация в странах ЮВА остается напряженной и нестабильной. И это требует от властей постоянной корректировки действий в борьбе с пандемией COVID-19 и ее последствиями. Оценка эффективности предпринимаемых действий по борьбе с пандемией и ее последствиями свидетельствует, по мнению авторов, о том, что наилучшие результаты показали страны, которые, во-первых, предприняли упреждающие меры, во-вторых, продемонстрировали слаженность работы всех звеньев управления и открытость в подаче информации, в-третьих, смогли завоевать доверие населения в борьбе с пандемией, которая обернулась немалыми человеческими жертвами и внесла коррективы в политическое управление страны и в ее экономическое развитие.

Оценить весь масштаб понесенных потерь, как и предпринятых мер по их минимизации, пока не представляется возможным. Но очевидно, что пандемия стала вызовом для правительств и проверкой их способности управлять страной в кризисной ситуации. Насколько успешными они оказались в реагировании на возникшие проблемы, покажет время.

Список литературы

Asian Development Outlook 2020 (2020, April). Asia Reels from the Covid-19 Outbreak // Asian Development Bank Report, Manila.

Deinla I. (2020) COVID-19 Tightens Duterte's Iron Grip // East Asia Forum, June 18, 2020 // <https://www.eastasiaforum.org/2020/06/18/covid-19-tightens-dutertes-iron-grip/>, дата обращения 15.10.2020.

Heydarian R. (2020) Strongman Duterte's COVID-19 Failings Usher in New Generation of Leaders // The Nikkei Asian Review, July 22, 2020 // <https://asia.nikkei.com/Opinion/Strongman-Duterte-s-COVID-19-failings-usher-in-new-generation-of-leaders>, дата обращения 15.10.2020.

Kurlantzick J. (1) (2020) Can Southeast Asia Fend Off the One-Two Punch of COVID-19? // World Politics Review, April 17, 2020 // <https://worldpoliticsreview.com/articles/28691/can-southeast-asia-fend-off-the-one-two-punch-of-covid-19>, дата обращения 15.10.2020.

Kurlantzick J. (2) (2020) How Jokowi Failed the Test of COVID-19 in Indonesia // World Politics Review, June 6, 2020 // <https://corona-virusnews.com/news/how-jokowi-failed-the-test-of-covid-19-in-indonesia-world-politics-review-worldpoliticsreview/index.html>, дата обращения 15.10.2020.

Southeast Asia Covid-19 Tracker (2020) // Center for Strategic and International Studies (CSIS) // <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/southeast-asia-covid-19-tracker-0>, дата обращения 15.10.2020.

Syafiq Hasyim (2020) Indonesian Muslim Groups Grapple with the "New Normal" // ISEAS, June 9, 2020 // <https://www.iseas.edu.sg/media/commentaries/indonesian-muslim-groups-grapple-with-the-new-normal>, дата обращения 15.10.2020.

Termsak Chalermphanupap (2020) COVID-19: Prayut's Dilemma – Save

Lives or Jobs // The Perspective, April 30, 2020, Singapore: Yusof Ishak Institute // https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/03/ISEAS_Perspective_2020_38.pdf, дата обращения 15.10.2020.

World Bank East Asia and the Pacific in the Time of Covid-19 (2020, April) //

World Bank. Regional Economic Update // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33477>, дата обращения 15.10.2020.

World Economic Outlook (2020). The Great Lockdown. 2020, April.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11

COVID-19 in Southeast Asia Problems and Solutions

Alexander A. ROGOZHIN

PhD in Economics, Leading Researcher, Head of the Group
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: rogojine@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0736-3184

Natalia G. ROGOZHINA

DSc in Politics, Chief Researcher
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: nrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

CITATION: Rogozhin A.A., Rogozhina N.G. (2020) COVID-19 in Southeast Asia Problems and Solutions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 181–203 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11

Received: 20.09.2020.

ABSTRACT. *The countries of Southeast Asia, like the rest of the world, have suffered substantial damage from the spread of the COVID-19 epidemic, which is assessed not only in human losses, but also in significant economic and political costs. Their assessment is the main object of the article, in which the authors made an attempt to analyze the response of the countries of Southeast Asia to the emerging epidemiological threat, underscor-*

ing both general and specific in their approaches to the implementation of anti-epidemiological and adaptation measures. It is not possible to draw a single picture of the COVID-19 in the region, since the countries of Southeast Asia differ from each other both in the number of confirmed cases of infected and dead persons and in the approach to managing the pandemic. The adoption by the country of one or another set of restrictive sanitary meas-

ures is dictated by the severity of the epidemiological situation, economic and political interests.

Evaluation of the effectiveness of actions taken to manage the pandemic and its consequences testifies, according to the authors, that the best results were shown by countries that, firstly, took proactive measures, and secondly, demonstrated the coherence of the work of all levels of government system and transparency in the provision of information thirdly, they were able to win the confidence of the population in the fight against the pandemic, which has resulted in human sacrifice and amendments to the country's political governance and its economic development. The political consequence of COVID-19 has been the strengthening of authoritarian tendencies in governance in several Southeast Asian countries with the consequences to the weakening of the opposition and curtailment of civil liberties. The authors concluded that the pandemic has exposed the weakness of the government administration system in a crisis, which supports the analysis of the measures taken to minimize the economic consequences of the pandemic. The article assesses the impact of the COVID-19 crisis on the economies of Southeast Asia and promises government policies to support its hardest hit sectors and populations. The authors concluded that today it is not possible to assess the entire scale of the losses incurred, as well as the measures taken to minimize them. But it is evident that the pandemic has become a challenge for governments and a test of their ability to govern a country in a crisis.

KEY WORDS: Southeast Asia, COVID-19, anti-epidemiological measures, political governance, authoritarianism, economic support measures, economic crisis

References

Asian Development Outlook 2020 (2020, April). Asia Reels from the Covid-19 Outbreak. *Asian Development Bank Report*, Manila.

Deinla I. (2020) COVID-19 Tightens Duterte's Iron Grip. *East Asia Forum*, June 18, 2020. Available at: <https://www.eastasiaforum.org/2020/06/18/covid-19-tightens-dutertes-iron-grip/>, accessed 15.10.2020.

Heydarian R. (2020) Strongman Duterte's COVID-19 Failings Usher in New Generation of Leaders. *The Nikkei Asian Review*, July 22, 2020. Available at: <https://asia.nikkei.com/Opinion/Strongman-Duterte-s-COVID-19-failings-usher-in-new-generation-of-leaders>, accessed 15.10.2020.

Kurlantzick J. (1) (2020) Can Southeast Asia Fend Off the One-Two Punch of COVID-19? *World Politics Review*, April 17, 2020. Available at: <https://worldpoliticsreview.com/articles/28691/can-southeast-asia-fend-off-the-one-two-punch-of-covid-19>, accessed 15.10.2020.

Kurlantzick J. (2) (2020) How Jokowi Failed the Test of COVID-19 in Indonesia. *World Politics Review*, June 6, 2020. Available at: <https://corona-virusnews.com/news/how-jokowi-failed-the-test-of-covid-19-in-indonesia-world-politics-review-worldpoliticsreview/index.html>, accessed 15.10.2020.

Southeast Asia Covid-19 Tracker (2020). *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*. Available at: <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/southeast-asia-covid-19-tracker-0>, accessed 15.10.2020.

Syafiq Hasyim (2020) Indonesian Muslim Groups Grapple with the "New Normal". *ISEAS*, June 9, 2020. Available at: <https://www.iseas.edu.sg/media/commentaries/indonesian-muslim-groups>

grapple-with-the-new-normal, accessed 15.10.2020.

Termsak Chalermphanupap (2020) COVID-19: Prayut's Dilemma – Save Lives or Jobs. *The Perspective*, April 30, 2020, Singapore: Yusof Ishak Institute. Available at: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/03/ISEAS_Perspective_2020_38.pdf, accessed 15.10.2020.

World Bank East Asia and the Pacific in the Time of Covid-19 (2020, April). *World Bank*. Regional Economic Update. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33477>, accessed 15.10.2020.

World Economic Outlook (2020). The Great Lockdown. 2020, April.